

**«После развития»: постдевелопменталистская теория и ее практический
смысл**

Казакова Александра Андреевна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Социологический факультет, Кафедра истории и теории социологии, Москва, Россия

E-mail: kazakovaz@mail.ru

Постдевелопментализм сложился как неоднородное течение в социальной мысли последней трети XX - начала XXI вв. под влиянием разнообразных концепций в области философии, социологии, антропологии и экономики. Опираясь на критику прогресса и универсализма в постмодернистской философии, он тесно связан с альтерглобалистским и эколого-анархистским движением. Однако в какой мере осуществлена собственно теоретико-социологическая концептуализация постдевелопменталистских идей?

Отметим, что термин «девелопментализм» активно использовался и приобрел негативные коннотации еще в 60-70 гг. в различных версиях «теорий зависимости», разрабатывавшихся преимущественно латиноамериканскими авторами. Под «девелопментализмом» ими понималась западная модель капитализма, включая ее теоретическое обоснование в теориях модернизации и политическое применение в национальных стратегиях. «Девелопментализм» («десарольизм») трактуется здесь как механизм конструирования и воспроизводства международного неравенства. Однако, придерживаясь главным образом неомарксистских и структуралистских позиций, латиноамериканские авторы стремились разработать альтернативные модели развития или, по крайней мере, доказать неосуществимость в странах «третьего мира» классической рыночной доктрины, игнорирующей их стартовые условия и заданные позиции в структуре мировой экономики. Как ложная предпосылка критиковался индивидуалистический подход к международной конкуренции формально суверенных государств, аналогичный легитимизации свободной конкуренции между индивидами в формально равноправном капиталистическом обществе.

Постдевелопменталистская теория идет дальше, отталкиваясь от парадигмы развития в целом как западного механизма «знания-власти», «ментальной структуры» неоимпериализма. В этом направлении можно выделить ряд европейских радикальных теоретиков (И. Иллич, С. Латуш, В. Сакс) и авторов в странах «мирового Юга», анализирующих местный опыт развития: А. Эскобар (Колумбия), Г. Эстева (Мексика), М. Рахнема (Иран) и др. В центре их внимания - конструирование приоритетов развития на институциональном уровне и потребностей, образа жизни и идентичности - в повседневной жизни людей. Задачей исследования становятся уже не «альтернативы развития», а «альтернативы развитию». Препарируются «провалы развития» как со стороны рынка, так и со стороны государства и надгосударственных организаций. Опираясь на постколониальную критику, теоретики прослеживают современный процесс «изобретения отсталости» для мирового Юга, аналогичный «изобретению дикости» для Востока [1] в классический колониальный период. Макроанализу как методу самообоснования деятельности правительственных и международных организаций противопоставляется этнографический метод и «индигенизация» знания [4].

Эмпирический опыт локализации хозяйства и управления широко используется, в частности, А. Эскобаром. По его мнению, альтернативой развитию может стать сохранение множественных укладов и радикальный плюрализм, способный воспринимать содержание низовых общественных движений и традиционные формы знания. Институциональные сдвиги Эскобар обнаруживает, например, во включении не просто экологического

права, а «прав природы» в законодательную систему латиноамериканских государств, там, где традиционное хозяйство в особенности уязвимо перед экологическими рисками, созданными современным производством [3].

Однако стоит отметить, что, используя постструктуралистский анализ дискурса, сторонники пост-развития большее внимание уделяют деконструкции существующих политических концептов и культурных образцов, нежели практическим импликациям своей теории [5]. Неясно, как может выглядеть практика пост-развития в «больших» обществах, за пределами общественных движений на Западе или локальных экспериментов в малых странах.

И здесь возникает возможность встроить постдевелопменталистский дискурс в общий дискурс развития. Дело в том, что ослабление проективной деятельности государства в тех или иных формах является преобладающим трендом 90-х гг. Демонтаж социального государства в развитых странах, рыночный транзит в социалистическом лагере и неолиберальные реформы в странах «третьего мира» представляют собой повсеместное ограничение государственного вмешательства в экономику, его перераспределительных и социальных функций. Неолиберализм также указывает на необходимость децентрализации и локализации производственных и организационных процессов как средства более эффективного использования ресурсов (низовой экономической активности, технических и организационных инноваций, искоренения коррупции и т.д.). Декларируя переход к «обществу знания» с самоорганизацией и плюралистичными сетевыми структурами, неолиберализм в то же время способствовал сокращению образовательной политики путем коммерциализации образования, закрепляя неравенство и ограничивая социальную мобильность.

Постдевелопментализм, со своей стороны, подвергает критике универалистскую централизованную систему образования [2] и, настаивая на равноценности «всех форм знания», легитимизирует тем самым любые его традиционалистские элементы. Антииндустриальный посыл постдевелопментализма также совпадает с практикой деиндустриализации там, где национальная промышленность стала жертвой глобальной конкуренции.

Иными словами, дискурс пост-развития во многих чертах сочетается с господствующей на рубеже веков парадигмой развития. Его антисистемная и экологическая критика первоначально была направлена в равной степени против государства и рынка, однако, при отказе от разработки практических приложений, ее главным объектом оказывается проективная деятельность государства. Релятивизация критериев человеческого благополучия теоретиками пост-развития отрицает принудительное политико-экономическое воздействие извне, но также исключает и возможность конструктивного действия изнутри. Выражаясь языком постструктурализма, сомнение, отрицание и протест такого рода предусмотрены самим дискурсом и встроены в него либо абсорбируются им как способы самовоспроизводства.

Источники и литература

- 1) Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. М.: Русский мир, 2006. - 636 с.
- 2) Илич И. Освобождение от школ. М.: Просвещение, 2006. - 160 с.
- 3) Escobar A. Encountering Development: The Making and Unmaking of the Third World. Princeton University Press, 2012. – 344 p.
- 4) Sachs W. (Ed.). The Development Dictionary: A Guide to Knowledge as Power. St. Martin's Press, 1992. - 306 p.

- 5) Tripathy J., Mohapatra D. Does Development Exist outside Representation? // Journal of Developing Societies, 2011 №27, pp. 93-118.